

ГЛАВА 1

Марья

Глава Святого Полка первым покинул храм — перебрисил длинную косу за спину, кивнул помощнику и широкими шагами направился к дверям. Его белоснежный плащ развевался за спиной, Святое Слово на нем было вышито золотом.

Марье пришлось встать на носочки, чтобы увидеть его. Славка дернул ее за рукав, но она лишь отмахнулась, мол, не мешай!

Святой Полк потерял не одного главу, но этот точно надолго задержится, в этом Марья не сомневалась. Весь его облик говорил о недюжинной силе, а как он с мечом управлялся!

Случилось, отвел их наставник к старшим уму-разуму поучить, настоящих воинов показать; и как увидела Марья Святослава, так и поняла, что отныне и впредь будет во всем на него равняться.

Святослав тогда рукой махнул, предложил любому занять место его противника, а она возьми да и вызовись! Схватила меч ученический и встала напротив него. Ладони вмиг вспотели, но хватки она не разжала, наоборот, еще крепче в рукоять вцепилась. Святослав оказался выше нее на три головы! Страшно ей было до дрожи, но она не отступила, два удара отразить

сумела, а потом сама не поняла, как безоружной осталась. Он приставил острие меча к ее горлу и головой покачал.

— Я научусь! — выпалила она тогда.

А он только плечами пожал и головой в сторону мотнул, прогоняя ее с площадки.

Потом долго над ней новобранцы насмехались, припоминали позорное поражение при любом удобном случае, но она все равно нос задирала, ведь ей хотя бы хватило мужества выйти против опытного воина! Только Славка похвалил ее, а позже признался, что сам хотел вызваться, но струсил.

Расталкивая Светозарных локтями, Марья протиснулась к выходу и успела увидеть затылок Святослава, прежде чем он скрылся за поворотом.

— И что ты ходишь за ним? Приворожил он тебя, что ли, — проворчал Славка.

— Цыц! — Она пихнула его в бок. — Не болтай глупостей.

— Кто кого приворожил?

Из храма вышла группа новобранцев, прибывших в Ясностан годом раньше Марьи. Все до одного дрянные мальчишки, злобные, высокомерные, только и знают, что младших дразнить.

— Чего застыла, святая сестричка? — задиристо спросил один из них, Михаил. — Язык проглотила?

— Не сестричка я тебе! — кулаки Марьи сжались сами собой.

— «Место женщины — в ордене Святых Сестер» — так наш наставник говорит, — заявил Михаил.

— На мне плащ новобранца, как и на тебе. — Марья похлопала себя по груди. — И занимаюсь я не меньше вашего.

— Ты недостойна быть воином Святого Полка, это все знают.

— Кто это так решил? — возмутилась Марья. — Ты? А ты кто такой?

— Через год я стану Светозарным, а ты будешь обязана сопровождать меня в бою и молиться за мое здоровье, — усмехнулся Михаил.

— Не дожدهшься, — прорычала Марья. — Скорее в Нави снег выпадет, чем я от Святого Полка отступлюсь!

— Такие, как ты, только молиться могут, нечего вам в бою делать. Забыла уже, как я поколотил тебя на площадке?

— Это год назад было, я меч увидела в первый раз!

— Тогда докажи. — Михаил подошел ближе. — Приходи сегодня после заката на старое поле, там и выясним, что за год изменилось.

Она окинула его придирчивым взглядом и с отвращением отметила, что мальчишка стал выше и шире в плечах. Но не отступать же ей?

— Договорились, — сквозь зубы ответила Марья.

— Конец тебе, — прошипел Ратигор, проходя мимо.

Славка взглядом их проводил и сказал обреченно:

— А ведь прав он.

— Ты не веришь в меня? — возмутилась Марья.

— Он старше и сильнее, да и учится на год дольше. Опять поколотит тебя. Прости, но так мне думается.

— Говори что угодно, но я приду и докажу им, что есть для меня место в Святом Полку!

— Да я же ничего... Марья! Ну куда ты?

Она махнула рукой и ловко увернулась от столкновения со спешащим посыльным. От обиды уши горели огнем, Марья думала, что хотя бы Славка в нее верит, а оно вон как вышло!

Ну и пусть, ну и ладно, даже если все от нее отвернется, она все равно будет заниматься, чтобы однажды стать Светозарной. И почему люди вдруг решили, что женщинам не место в Святом Полку? Пока не появился орден Святых Сестер, таких разговоров не было.

Иногда в бане Марья подслушивала разговоры старших и точно знала, что каждая Светозарная втайне надеется попасть в пару к новому главе Полка, но тот упрямо продолжал избегать их. Вот и она станет такой же — будет одна сражаться, без пары, пусть и не принято так, но раз Святославу можно, то и она справится! Тогда все узнают ее имя, и новобранцы будут равняться на нее.

Она забралась на чердак башни, чтобы покормить вещей воронов. Птицы привыкли к ней, некоторые даже позволяли погладить иссиня-черные перья. Это была часть ее обязанностей — уход за птицами. Раньше она собирала деревянное оружие и выметала площадки, но потом одна из святых сестер отправила ее сюда за то, что Марья подралась с другим новобранцем.

Так вышло, что в прошлом году в Ясностан приехала только одна девчонка — она, и каждый мало-мальски оперившийся мальчишка считал своим долгом как-то задеть ее. И что ей было делать? Пришлось снова и снова доказывать, что старый Колояр не ошибся, привезя ее в город.

Жаль только, что никто Марьиных потуг не замечал и не замечает. Старшим и дела нет до новобранцев, по столице носятся в развевающихся плащах и даже под ноги не смотрят. Наставники только лупят сильнее с каждым днем, все Псарем пугают, рассказывают, что при нем таких хиляков в Полк не брали. Несколько раз ей предлагали в орден Святых Сестер перевестись, пока не поздно, но Марья на своем стояла, да так отчаянно,

что наставники только диву давались. В конце концов смирились, что придется и ее готовить к сражениям, только новобранцы продолжали изводить, спасу от них не было.

До самого заката она просидела под крышей, разглядывая город через маленькое грязное окошко, и чем ниже опускалось солнце, тем тревожнее становилось на душе. Но отступить сейчас — значило признать, что ей не место среди Светозарных, а это не так. Она нутром чуяла, что рождена была для того, чтобы белый плащ носить! И никакому Михаилу ее не переубедить.

Прежде чем на поле отправиться, Марья заглянула в свою комнату и взяла меч. Хоть и говорит Колояр, что на своих оружие поднимать нельзя, но на этот раз ее вынудили. Не пойдет же она на Михаила с деревянным мечом? Ее просто засмеют.

У поля много народу собралось, Марья насчитала двенадцать человек, а потом сбилась со счета, оглушенная грохотом собственного сердца.

— Мы уже решили, что ты не явишься! — выкрикнул Михаил и спрыгнул с деревянного ограждения.

— Явилась!

Краем глаза она заметила Славку, стоящего поодаль. Он, трус, даже подойти боялся! И как только собрался с нечистью сражаться, если его даже люди пугают?

— Сразу в бой? — насмешливо спросил Михаил, когда она остановилась в середине небольшой площадки.

— А чего тянуть? — Марья отбросила ножны в сторону. — Раз пришел, давай сразимся!

Сказала, а у самой коленки трясутся. Без плаща Михаил выглядел еще больше, а может, это ей только казалось: говорят же, у страха глаза велики.

Неприятно улыбаясь, парень встал напротив и лениво обнажил меч. Его друзья сгрудились вокруг, уменьшив

и без того крошечную площадку настолько, что казалось — взмахнув мечом, можно ненароком кого-нибудь покалечить.

Он напал без предупреждения. Марья чудом отразила выпад и отступила. Запястье заныло, она не была готова и не успела как следует перехватить оружие.

Михаил не стал медлить, его удары последовали один за другим, а ей оставалось только пятиться, неловко отбиваясь. Новобранцы принялись улюлюкать и свистеть.

Удар, еще один, руки свело от боли. Сколько раз она мечтала победить этого заносчивого ублюдка? Реальность оказалась намного суровее ее безмятежных грез: Михаил беспощадно теснил Марью, а она не могла ничего сделать.

Короткий удар левой рукой — и из носа полилась кровь. Опешив, Марья уставилась на темные капли, упавшие на грудь, и открыла было рот, чтобы возмутиться, но Михаил еще раз ударил ее по лицу.

— Думала, что противник всегда честно драться будет? — хохотнул он.

Она подняла меч, Михаил играючи ударил по нему, и ее пальцы сами собой разжались, выпуская оружие.

— А теперь на кулаках? — рассмеялся Михаил.

Он с такой силой ударил ее по лицу, что мир вокруг на мгновение померк. Марье показалось, что она просто моргнула, но очнулась уже на земле. Ее со всех сторон окружили перекошенные, раскрасневшиеся лица. Парни пихали Марью, тянули за волосы и бросались злыми словами.

На глаза навернулись слезы. Она попыталась отпихнуть от себя белобрысого, но тот лишь рассмеялся. Михаил стоял над ней, и на мгновение Марье показалось, что он вот-вот поставит ногу ей на грудь, чтобы

окончательно унижить ее, но вдруг веселье резко прекратилось.

Новобранцы расступились, Марья оперлась на локти, приподнялась и сплюнула кровь. Она хотела было податься, но вдруг увидела стоящего за толпой Святослава.

Мрачной скалой он навис над новобранцами, а те пристыженно опустили глаза и спрятали руки за спины.

— Разойтись, — спокойно велел Святослав, и все опрометью бросились кто куда.

Последним убежал Славка. Он окинул Марью грустным взглядом и скрылся в темноте.

Она прикусила щеку изнутри, чтобы не разреветься. Опозорилась! Да еще и на глазах у главы!

В носу защипало. Слезы жалости к себе готовы были вот-вот политься, так обидно было — словами не передать!

Святослав взглянул на нее и вдруг сказал:

— Ты слабая.

Она медленно подняла голову и уставилась на него. Он смотрел куда-то в темноту, его ладонь покоилась на рукояти меча.

— Тебе недостает роста и веса, — безжалостно продолжил Святослав, — любой из них может победить тебя.

— Я стану лучше, — тихо пообещала она.

Плывущей походкой к площадке приблизилась святая сестра Рослава. Марья поняла, что это ее высматривал в темноте глава, и попыталась встать, но ноги не послушались.

— Святослав, — почти ласково произнесла сестра, — занимаешься с новобранцами?

— Шел мимо, — холодно ответил он.

— Какая славная. — Рослава подошла ближе и присела рядом с Марьей. — Тебе больно?

Та замотала головой.

— Напоминает тебе кого-то? — вдруг спросила Рослава.

Вместо ответа Святослав развернулся и пошел прочь.

— Как тебя зовут? — любопытствовала сестра.

— Марья, — ответила она.

— Марья... Нравится тебе быть новобранцем Святого Полка?

— Да, — уверенно ответила девочка.

— А чем ты занимаешься после занятий? — Рослава прищурилась.

— Ухаживаю за птицами, сестра.

— Поднимайся.

Женщина помогла Марье встать, отряхнула ее одежду, а затем взяла за подбородок и придирчиво осмотрела лицо.

— Всю красоту испортили, — вздохнула Рослава. — Но это дело поправимое. Пойдем со мной, я умою тебя, посмотрю, не сломали ли тебе нос.

Они медленно покинули поле и пошли по узкой улочке. Святая сестра долго молчала, а потом спросила:

— Святослав появился как раз вовремя, верно?

— Да, сестра, — нехотя призналась Марья.

— Некоторые думают, будто женщины слабее мужчин. Но мы-то с тобой знаем, что это не так, да? — Рослава приобняла ее за плечи. — И чтобы стать еще сильнее, ты должна учиться у лучших. Кто твой наставник?

— Колояр, сестра.

— Хочешь, я окажу тебе услугу? — вдруг спросила Рослава. — Будешь учиться у главы Святого Полка?

Марья и мечтать о таком не смела, поэтому лишь закивала, не в силах вымолвить ни слова.

— По глазам вижу, что хочешь, — прошептала сестра. — Приходи завтра утром ко мне, я скажу, что тебе делать, и поверь, он не сможет отказать.

— Но...

— Ш-ш-ш, — Рослава приложила палец к губам Марьи и покачала головой. — Когда сильные предлагают тебе что-то, смело бери это. Будешь носить его оружие, выполнять мелкие поручения, а птиц мы передадим кому-то другому. Согласна?

— Конечно! — выпалила Марья. — Спасибо, сестра! Ты... я...

— Будет, дитя, — Рослава снова обняла ее за плечи. — Сестры должны помогать друг другу.

ГЛАВА 2

Дарий

Он выпрямился и обессиленно прислонился спиной к дереву. От увиденного все еще кружилась голова, горький ком подступил к горлу.

— Ты закончил? — ворчливо осведомилась Варна.

— Да, думаю, да, — пробормотал Дарий и провел дрожащей рукой по слипшимся от пота волосам.

Соврал, конечно. Тело все еще пыталось исторгнуть из себя съеденную накануне пищу. Странно, ведь такого прежде не случалось. Он всегда смело смотрел на ужасы, творящиеся вокруг, и сохранял ясность рассудка, а теперь его бросало в дрожь от одного вида растерзанных тел, не говоря уже о запахе тлеющей плоти, пролежавшей на солнце несколько дней.

— Тогда пойдем. Главное, что никто этого не видел. Хорош Мрачный Взвод.

Дарий услышал ее удаляющиеся шаги, подождал несколько мгновений и снова согнулся пополам в мучительном позыве.

Всю зиму его рвало чем-то черным, он то и дело сползал с лошади и исторгал из себя чужую кровь. Однажды, когда они загоняли перевертыша, его вырвало на полном скаку. Ехавшая позади Варна ругалась словами, за которые ее могли бы отлучить от церкви.

Пошатываясь, Дарий вышел из леса и окинул взглядом бескрайнее поле. Оно казалось самым безмятежным местом в этих землях, но он знал, что там, впереди, лежат останки людей, погибших страшной, мучительной смертью.

Ветер донес до него смрад гниющих тел — и тошнота снова подступила к горлу. Волевым усилием он заставил себя расправить плечи и вернуться к месту бойни.

Варна сидела рядом с трупом и спокойно рассматривала его. И как она все это выносит?

— Что скажешь? — его голос дрожал.

— Похоже на то, что мы видели в Торжке и Моррее. — Она подняла голову и посмотрела на него. — Но они точно не совокуплялись и не перебили друг друга в приступе ярости.

— Что тогда? Что с ними могло произойти?

— Смотри. — Варна приподняла край белого сарафана и показала ему распухшие ноги покойницы. — И весь подол в крови.

— Может, они долго шли сюда? — предположил Дарий.

— Осмотри вон тех, — она махнула рукой. — И на ноги обрати внимание.

Подходить к мертвецам у него не было никакого желания, но не мог же он взвалить всю работу на ее плечи?

Смиренно кивнув, Дарий приблизился к сваленным друг на друга телам и принялся их разглядывать.

Умерли они, судя по всему, несколько дней назад, но воздух здесь влажный, а солнце жаркое, так что разлагались тела куда быстрее, чем обычно. А вот ноги и правда были сбиты — сапоги разорваны, ступни стерты. Не плясали же они до упаду, в самом деле?

— Ну что? — крикнула Варна.

— То же самое! — откликнулся он и прижал рукав к носу. — Ну и вонь...

— С каких пор ты таким нежным стал?

Варна подошла ближе и обтерла руки о штаны.

— Теперь от тебя тоже будет вонять, что ты делаешь? — поморщился Дарий.

— От нас всегда несет мертвечиной, или ты забыл?

— Не от нас, а от меня, — пробормотал он.

— Ну, теперь мы поменялись местами. Ничего странного не заметил?

— Кроме двух десятков мертвецов? Нет, все остальное в полном порядке, — фыркнул он.

— Нужно деревню проверить. Не могут же люди жить там и не знать, что здесь произошло.

— А тела? Сожжем?

— Потом вернемся, — отмахнулась Варна. — Что с ними станется?

Они подошли к лошадям, взяли их под уздцы и повели вдоль ручья, прислушиваясь к его беззаботному журчанию. В траве жужжали насекомые, солнце припекало макушки, и вскоре Дарию начало казаться, что оставленные позади тела — всего лишь морок. Как может произойти что-то плохое в такой светлый день? В детстве он всегда думал, что смерть тесно связана с ночью, что самые страшные твари выходят на охоту только после заката.

— Кто это тут у нас?

Варна подошла к ручью и ногой перевернула безжизненное тело. Гусли жалобно звякнули, ударившись о землю.

— Гуслер, ты ж смотри... — пробормотала она, наклоняясь. — Такой же раздутый, как остальные, даже хуже. Вода свое дело знает.

— А я только хотел напиться.

— Ну, теперь придется потерпеть, даже я не рискну флягу наполнять этой водой. Гусли испорчены, только глянь...

Варна подняла гусли и долго рассматривала их, прежде чем сказать:

— Посмотри-ка, на струнах кровь.

Дарий присел рядом с мертвецом и аккуратно потянул того за рукав. Пальцы на его руке распухли, подушечка мизинца была рассечена так, что торчало посеревшее мясо.

— Знаешь, а ведь и правда на поле хороводы водили, — сказал Дарий. — А этот несчастный играл им, похоже.

— Думаешь? — Варна приладила гусли к седлу и взялась за поводья. — Пойдем узнаем, почему местные жители тела гнить на поле оставили, да о делах справимся. Что-то подсказывает мне, что помощь наша пригодится.

— Да что ты? — усмехнулся Дарий. — Какая пронизательная сегодня.

— На подзатыльник напрашиваешься, — беззлобно ответила Варна. — Теперь-то ты сполна его почувствуешь, не то что раньше.

Тут она была права. С тех пор как Свят опоил Варну кровью Рославы, с ним, с Дарием, происходило что-то странное.

Мало того что всю зиму он мерз, так и тело его начало преобразаться. Все реже им приходилось совершать ритуал на крови, запах смерти почти пропал, а чувства! Порой они захлестывали Дария с головой. То шемящая тоска, то всепоглощающая радость, а порой и страх, о котором он давным-давно позабыл. Да и на солнце ему хуже не становилось. Еще и дышать начал недавно, того и гляди, сердце снова биться начнет.

С Варной они не говорили об этом, словно боялись удачу спугнуть, но с каждым днем он все живее становился, будто колдовство вернуло ему душу.

Деревня встретила их тишиной, только собаки брехали да коровы недоенные в хлевах кричали. Ни ребятни, ни стариков у колодцев — никого не было, ни одной живой души.

— Да сколько ж деревень опустеть должно, чтобы Зверь насытился кровью? — Варна ногой распахнула калитку и вошла во двор. — Эй! Хозяин!

Тишина. Никто не откликнулся.

— Бьюсь об заклад, что пусто здесь. — Дарий вздохнул. — Хотя смотри, церквушка-то построена, значит, приняли нового Бога местные.

— Да только не защитил он их.

Варна посмотрела на покосившийся крест, возвышающийся над соседними избами, и подошла к крыльцу. Постучала в надежде, что хозяин все-таки откроет, но не дождалась ответа и плечом дверь выбить решила. Да только та не заперта оказалась, и она с разбегу через порог перелетела и на пол упала.

— Варна!

Дарий кинулся к ней и подал руку, чтобы помочь подняться. Варна покряхтела, выругалась, но помощь приняла с благодарностью.

— Не рассчитала, — смущенно сказала она.

— Случается, — миролюбиво ответил Дарий.

Их глаза встретились, и вновь в душе его что-то затрепетало, ожило, приятная истома охватила тело. Куда же пропала вся злость, все раздражение, которое изводило его последние годы? Он так мечтал уйти, избавиться от нее, а теперь держит ее за руку и совсем отпускать не хочет.

— Глаза изменились, — заметила Варна и отстранилась. — Темными стали, как раньше.

— Правда? — Дарий прикоснулся пальцами к лицу и глупо улыбнулся. — Это ведь хорошо?